

Г. В. Токарев

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РАССКАЗЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО «ПОЛИКУШКА»

5

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия
Поступила в редакцию 20.07.2025 г.
Принята к публикации 07.10.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-1

Для цитирования: Токарев Г. В. Проблема определения культурной модальности и ее воплощение в рассказе Л. Н. Толстого «Поликушка» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. №1. С. 5–13. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-1.

Статья посвящена проблеме коллективной рефлексии по поводу разнообразных проявлений действительности. Цель исследования – подтверждение существования культурной модальности как лингвокультурологической категории, что достигается с использованием методов описания, компонентного и прагматического анализа, лингвокультурологической интерпретации. На материале рассказа Л. Н. Толстого «Поликушка» рассмотрены реакции представителей крестьянского мира XIX в. на отдельные стороны действительности. Подтверждена гипотеза Ю. М. Лотмана о культурном значении эмоций стыда и страха. Введено понятие культурной модальности, под которой понимается семантико-прагматическая категория, детерминированная культурными факторами и проявляющаяся в типовом коллективном реагировании на действительность. Семантико-когнитивный центр данной категории составляют культурные нормы, которые выступают основаниями рефлексии того или иного вида. Они выражены когнитивными операторами «должно» vs «не должно», «можно» vs «нельзя», «нужно» vs «не нужно». Нормы имеют разную степень облигаторности и скорректированы культурными установками, представлениями о жизнеустройстве. Определено, что культурная модальность носит коллективный характер, что подчеркивает ее объективность. Культурная норма проявляет себя в эталонах поведения человека в близкой для него среде, что объективирует акциональный характер культурной модальности. Установлено, что культурная модальность формируется на архетипическом уровне. В ходе анализа выявлено, что текст, будучи моделью действительности, отражает множество частных культурных модальностей, которые генерируют персонажи. Развитие сюжета детерминировано вызовами действительности, на которые отвечает герой, следуя нормам или отрицая их. По-

казано, что культурная модальность использует вербальные и невербальные способы выражения, рассмотрение которых на одной плоскости возможно благодаря семиотическому подходу.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, культурная модальность, норма, культурная память, культурная идентичность

Введение

Бесспорен факт коллективной рефлексии по поводу разнообразных проявлений действительности. Лингвокультурная группа живет общими правилами и в целом генерирует сходные реакции на происходящее. То, что в одной культуре является нормой, в другой может восприниматься индифферентно или негативно. Данные процессы объясняются семантическими закономерностями функционирования дискурса [15], а именно системой ценностей, которая оказывается актуальной для того или иного сообщества. Таким образом, можно говорить о коллективном модусе, сопровождающем те или иные положения дел.

Объектом настоящего исследования являются вербальные воплощения коллективных реакций на действительность. Цель — верификация положений о том, что данное явление может быть рассмотрено в виде лингвокультурологической категории, обладающей специфической семантикой, способами выражения и функциями. Достижение поставленной цели осуществляется методами описания, компонентного и прагматического анализа, лингвокультурологической интерпретации.

Исследование

Ю.М. Лотман, следуя концепции К. Леви-Стросса [10], определяет культуру как «систему дополнительных ограничений, накладываемых на естественное поведение человека» [12, с. 664]. Они, по справедливому замечанию ученого, предопределяются базовыми эмоциями — стыдом и страхом, из которых вырастают «юридические и моральные нормы поведения» [Там же]. Рассказ Л.Н. Толстого «Поликушка» интересен тем, что в нем отражены культурные реакции представителей русского общества XIX в., а точнее, крестьянского мира, на отдельные стороны действительности, а также культурные основы, которые их определяют. Ю.М. Лотман замечает: «крестьянский мир внутри себя организуется стыдом» [Там же]. Так, примером модуса такой самоорганизации является сентенция: стыдно, если человек не служит обществу, ведет недобропорядочный образ жизни, стыдно, если близкие уходят из семьи, не хотят жить вместе, и модальное основание — оценивать человека нужно по общему нравственному закону. Эмоция стыда в языковой семантике преобразуется в эмотивность неодобрения и негативную оценочность. Один из главных героев рассказа говорит односельчанам: «У тебя ни отец, ни дядя царю не служили... да и ты-то ни господам, ни миру не служил, только бражничал, да дети от тебя поделались. Что жить с тобой нельзя, так и судишь, на других показываешь, а я сотским десять годов ходил, старостой ходил, два раза горел, мне никто не помог; а за то, что в дворе у нас мирно да честно, так и разорить меня? <...> Судите по правде, по-божьему, мир православный...» [16, с. 17–18]. Исполнение

обязанностей сотского, старосты рассматриваются Семеном Дутловым как служение обществу, а сохранение целостности семьи — как соответствие мирским законам. Данное основание оценивается как проявление принципа кооперации. Пьянство, отделение из общего тягла, напротив, маркируются отрицательно.

Отношение к чему-либо квалифицируется как проявление модальности, под которой принято понимать «...функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [11, с. 303]. Традиционно выделяют два вида модальности — объективную и субъективную. По аналогии с указанными видами мы предлагаем говорить о культурной модальности. Близкий по своей сути термин предложен в современной лингвистике. Так, С. В. Иванова вводит понятие культурологической модальности: «данный тип модальности предполагает оценку, которую выражает продуцент текста, — при этом шкалирование производится между полюсами “добро — зло” посредством оценки “одобрить — не одобрить” с точки зрения существующих в обществе культурно-ценностных ориентиров» [4, с. 174]. Как видим, исследователь рассматривает результаты модальной интерпретации на нравственной шкале. В качестве семантической основы данной категории избрана оценочность. При этом модализация связывается с системой нравственных координат общества: культурологическая модальность «предполагает одобрительную или неодобрительную оценку, получаемую объектом оценивания, если его образ действия и мыслей совпадает или не совпадает с общепринятыми в обществе культурными ценностями...» [3, с. 200].

В нашем исследовании под культурной модальностью мы понимаем семантико-прагматическую категорию, детерминированную культурными факторами и проявляющуюся в типовом коллективном реагировании на действительность. Семантико-когнитивный центр данной категории составляют культурные нормы и запреты, которые выступают основаниями рефлексии того или иного вида. Они выражены когнитивными операторами «должно» vs «не должно», «можно» vs «нельзя», «нужно» vs «не нужно». Запрет является видом нормы, он фиксирует действие, недопустимое в культурном пространстве. Культурная модальность носит коллективный характер, что подчеркивает ее объективность. Так, в рассказе отражен запрет на присвоение чужого имущества: воровать нельзя, плохо наживаться на украденном. «Заработки эти самые легкие, как говорит народ: ни ученья тут, ни труда, ничего не надо, и коли раз испытаешь, другой работы не захочется. Только одно не хорошо в этих заработках: хотя и дешево и не трудно все достается, и жить приятно бывает, да вдруг от злых людей не поладится этот промысел, и за все разом заплатишь и жизни не рад будешь» [16, с. 8]. Реакция на данный запрет заключается в том, что народ с презрением относится к Поликушке, не гнушавшемуся присваивать чужие вещи: «Только жизнь его стала невеселая; народ на него как на вора смотрел, и, как пришло время набора, все стали на него указывать» [Там же, с. 9]. Приказчик подумывал даже избавиться от Поликее — следуя культурным нормам, на-

казать за воровство и оградить свой социум от нежелательного человека: «Другой, третий раз попался. Народ срамить стал, приказчик солдатством погрозил...» [Там же, с. 8].

Культурологическая энциклопедия дает следующую дефиницию нормы: «правило поведения, выступающее в качестве императива» [9, с. 88], подчеркивая тем самым ее акционально-регулятивное назначение. Е. М. Вольф выделяет семантические характеристики нормы: «норма отражает признаковые характеристики стереотипа оцениваемого объекта» [2, с. 54].

Е. С. Коршунова характеризует культурную норму как «совокупность определенных правил, предписаний, стандартов, традиций, принятых в обществе» [8, с. 59]. Исследователь отождествляет ее с национальным характером: «К культурной норме можно отнести и национальный характер, который в современном мире также представляет собой определенное предписание, регулирующее поведение людей в обществе» [Там же, с. 60]. Такой подход мы считаем слишком широким, однако нельзя не согласиться с ученым, что национальный характер и культурная норма находятся во взаимодействии. Культурная норма проявляет себя в эталонах поведения человека в близкой для него среде. Так, эталоном решения спорных вопросов, связанных с тем, кто пойдет в рекруты, является жеребьевка. Она служила гарантом справедливости: «Нарезали жеребьев, Храпков стал доставать из потрясаемой шляпы и вынул жеребий Илюшкин. Все замолчали» [16, с. 20].

Анализируя структуру нормы, О. А. Козлова выделяет в ней следующие составляющие: характер (знак, экспликатор), который указывает степень ее облигаторности; диспозиция (содержание), которая включает действие, предписываемое в рамках нормы; гипотеза (условие), содержащая информацию об обстоятельствах или положении вещей, при котором следует применять норму; источник, то есть агент, инициирующий норму; субъект — агент, который может эту норму применить; триггеры (обстоятельства), запускающие процесс актуализации норм (коммуникативные действия (сигналы), результат физических действий, результат течения времени, а также санкции или наказание, предусмотренные в случае нарушения той или иной нормы) [7, с. 98]. Так, одной из культурных норм является выкуп рекрута. Она имеет необлигаторный характер; диспозицию, которая заключается во внесении денег за потенциального претендента, направляемого на службу; крестьянское сообщество как источник реализации нормы; триггер — ситуацию необходимости направить троих мужчин от села на воинскую службу. Реализация данной нормы связана с общественным одобрением, поскольку норма соответствует установке помощи близкому.

Полагаем, что культурная модальность формируется на архетипическом [17] уровне. Как и архетипы, она выступает неосознанной коллективной реакцией. В. В. Лыткин и Ю. А. Гегамян отмечают: «Культурные архетипы — это культурные установки “коллективного бессознательного”, находящиеся где-то в глубине сознания и с огромным трудом поддающиеся изменению, и “работают”, как правило, на сохранение культурного генотипа того или иного народа. Культурные архетипы можно увидеть практически во всех сферах жизни человека, но наибольшее их проявление наблюдается в его повседневной жизни» [13, с. 916].

Текст, будучи моделью действительности, отражает множество культурных модальностей, которые выражают персонажи. Развитие сюжета детерминировано вызовами действительности, на которые отвечает герой, следуя нормам или отрицая их.

Барыня посылает Поликее к садовнику за деньгами. Данное решение кажется приказчику Егору Михайловичу странным, поскольку у Поликея репутация вора и пьяницы, человека ненадежного. Решение барыни тем не менее обусловлено прескрипциями коллективной модальности о том, что человеку нужно верить, его нужно прощать в соответствии с христианскими нормами. Барыня хочет быть хорошим человеком и желает, чтобы другие думали о ней так.

Акулина, жена Поликея, живет в согласии с культурными нормами, установленными для крестьянки: она во всем слушает мужа, растит детей, ведет домашнее хозяйство. Барыня, посещая убитую горем Акулину, говорит ей о детях, ради которых она должна продолжать жизнь, тем самым напоминая женщине о культурной норме, определенной ценностью детей как смысла жизни. Возможно, забвение этой нормы в сознании Акулины и приводит ее к сумасшествию.

Культурная модальность является производной культурной памяти [1], которая передает знания от поколения к поколению: «Так-то и мой дед в солдатах был, — говорил Резун, — так и я от жеребья отказываться стану. Такого, брат, закона нет. Прошлый набор Михеичева забрили, а его дядя еще домой не приходил» [16, с. 17]. Субъекты культуры не осознают этого, а представители иных лингвокультур ясно прочитывают ее прескрипции. Этот аспект культурной модальности указывает на ее связь с культурной идентичностью, проводящей различительную линию между своими и чужими. Ю. М. Лотман считает, что базовые эмоции стыда и страха обуславливают оппозицию «свой» vs «чужой». «Культурное “мы” — это коллектив, внутри которого действуют нормы стыда и чести. Страх и принуждение определяют наше отношение к “другим”» [12, с. 664]. Л. Г. Кириченко считает «культурную идентичность» «главной модальностью идентичности личности» [6, с. 47]. Противопоставление своих чужим, таким образом, детерминировано нормативными императивами, проявляется в различиях типовых реакций, а следовательно, культурная модальность предопределяет идентичность [1]. Представления о мире, система ценностей, комплекс правил жизнедеятельности, реакции на действительность, свойственные лингвокультурной группе, играют роль, с одной стороны, идентифицирующих, с другой — дифференцирующих тенденций. Так, очевидно, что представления о двойниковых (имеющих двух работающих мужчин) или тройниковых (имеющих трех работающих мужчин) семьях касались крестьянского мира. Норма фиксировала необходимость наличия здорового мужчины, который мог вести хозяйство. В то же время она допускала изъятие мужчины из семьи, если это требовалось крестьянскому миру. Барыня не понимала приказчика, который рассуждал, на чью семью падет жребий, используя данные понятия. Ее в большей мере волновал нравственный аспект выбора. Итак, на ментальном уровне культурная модальность аспектуализируется в виде норм, которые имеют разную степень обязательности и скорректированы культурными уста-

новками, идеологемами, представлениями о жизнеустройстве. Норма в лингвокультурном сознании имеет характер эталонного сценария поведения. А. А. Ивин обратил внимание на моделирующий характер нормы: «Нормы обращены в будущее и имеют проектирующий характер» [5, с. 171]. С этим утверждением нельзя не согласиться, поскольку, следуя нормам, лингвокультурная общность планирует свою жизнь, определяет выбор поведенческих сценариев.

Культурная модальность допускает разнообразные способы выражения. Применение семиотического подхода позволяет рассмотреть их на одной плоскости. Определение модальности как прагматической категории указывает на то, что она обладает действенным характером, проявляется в поступках. Рассмотрение Дж. Остином речевого акта как поступка [14] позволяет говорить о вербальном выражении культурной модальности, что может быть отражено прямо (в суждениях о чем-либо) и косвенно (оценкой и эмотивностью). Так, в основу сюжета взятого для анализа рассказа положена история с рекрутским набором. Барыне предстоит решить, кого отдать в солдаты. Основанием для ее волеизъявления становится сложившаяся культурная установка: нельзя лишать детей отца. Решение направить Поликушку она оценивает как негуманное: «Да и разве это не бесчеловечно отдать человека, у которого пять человек детей, и он один?» [16, с. 6]. Значение слова *солдатка* 'женщина, живущая одна, поскольку ее муж служит солдатом в царской армии' сопровождалось негативной оценкой и неодобрительной эмотивностью, которые отражали нарушение нормативного представления о целостности семьи. Герой рассказа Илья, племянник Семена Дутлова, сожалеет о том, что создал свою семью, корит дядю за то, что тот женил его, хотя не был намерен изначально платить за племянника выкуп. «Да и хозяйку: так, ни за что погубили бабу; теперь пропадет; солдатка, одно слово. Лучше бы не женить. Зачем они меня женили?» [Там же, с. 26]. Солдатки были обузой для семьи, их старались не приглашать на праздники, считая, что они могут передать жребий одиночества. Солдатки, живущие самостоятельно, нередко отождествлялись с распутными женщинами, соблазнявшими чужих мужчин. Солдатка в общественном понимании была несчастливой женщиной, поскольку ее мужа призывали на службу на пятнадцать лет. Возвращался он старым и больным человеком, или не возвращался вообще. Глагол *забрить* также обладает негативной оценочностью и эмотивностью неодобрения, что является следствием нарушения культурной нормы, детерминированной представлениями крестьян о том, что они должны работать на земле, служить барину. «Мир приговорил твоему сыну идти, а не хочешь, проси барыню, она, може, велит мне, от детей, одинокому, лоб забрить» [Там же, с. 18]. Бритый лоб был культурной меткой рекрута, культурным символом, определяющим судьбу человека.

Учет сущности культурной модальности, запечатленной в тексте, позволяет осмыслить идею произведения. Поликей, потеряв деньги, решает покончить с собой. Он нарушает ряд культурных норм — просить прощения, нести свой крест до конца жизни. Культурная модальность его поведения не соответствует лингвокультурной регулятивной базе: человек не вправе накладывать на себя руки. Совершение данного

поступка показывает героя как слабого человека. Он понимает, что не оправдал возложенного на него доверия, поскольку все будут думать, что он украл или пропил деньги, что он не сможет противостоять мнению односельчан о себе. Поликей отдает себе отчет, что формально он нарушил юридическую норму («не укради»). И это толкает героя на нарушение нравственной нормы (недопущения самоубийства). Поликушка становится заложником случая. Выбор героя в пользу нарушения нравственной нормы основан на чувстве стыда.

Старик Семен Дутлов приносит барыне найденные деньги. Он следует юридической норме не присваивать чужое. В то же время он не собирается платить выкуп за племянника. Данная норма имеет облигаторный характер, поэтому он не может быть подвергнут каким-либо санкциям, кроме нравственных. Однако ее нарушение не вызывает чувство стыда у Дутлова. Тень Поликея, посетившая дом Семена ночью, заставляет старика по-другому посмотреть на ситуацию.

Можно наблюдать корреляцию модальностей. Поликушка фактически не нарушает юридическую норму и преступает норму нравственную. Дутлов не нарушает юридическую норму, но также посягает на нравственную. Нарушение нравственной нормы Поликеем определено чувством стыда перед людьми, Семен Дутлов этого чувства не испытывает. Узнав о смерти Поликушки, люди понимают его поступок и не осуждают его. Решение Дутлова не платить за племянника вызывает неодобрение.

Реализация культурных модальностей текста подтверждает роль стыда для крестьянского мира в процессах идентификации людей, генерировании эталонных реакций на действительность.

Каждой категории присущи определенные роли. Семантико-прагматическая природа данной культурной модальности определяет следующие функции модальности:

- регулирующую, заключающуюся в реализации коллективных реакций на действительность; данную функцию следует считать ведущей, поскольку она выражает основное предназначение этой категории — объективировать культурно детерминированное отношение к действительности;
- транслирующую, связанную с культурной памятью, передачей от поколения к поколению типовых культурных реакций;
- идентифицирующую, заключающуюся в объединении своих и противопоставлении их чужим.

Заключение

Итак, коллективные реакции на действительность можно представить в виде особой семантико-прагматической категории. Ее центр составляют культурные нормы, эталоны поведения человека, выраженные операторами «должно» vs «не должно», «можно» vs «нельзя», «нужно» vs «не нужно». Регулятивный характер культурной модальности выявляет ее связь с культурной памятью. Генерация базовых эмоций стыда и страха культурной модальностью определяет ее как платформу культурной идентичности. Основной способ выражения модальности — поступок, который может иметь как невербальную, так и вербальную ре-

презентацию. В художественном произведении культурная модальность выражена путем описания действий персонажей, а также использования слов с маркированными оценочным и эмотивным компонентом значения. К основным функциям модальности можно отнести регулятивную, транслирующую, идентифицирующую.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Иванова С. В. Культурологическая модальность в политическом медиадискурсе // Медиалингвистика. 2018. №5 (2). С. 199–209. <https://doi.org/10.21638/srbu22.2018.204>.
4. Иванова С. В. Лингвокультурологические дискурсивные практики как триггер модализации (на материале политического дискурса массмедиа) // Медиалингвистика. СПб., 2017. Вып. 6 : Язык в координатах массмедиа : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (2–6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия). С. 173–174.
5. Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
6. Кириченко Л. Г. Культурная идентичность: как главная модальность // Психология и педагогика: теория и практика. 2019. №1 (13). С. 41–49.
7. Козлова О. А. Конвенциональность нормы в социокультурном пространстве // Язык: мультидисциплинарность научного знания : науч. альманах. Барнаул, 2009. Вып. 1. С. 96–101.
8. Коршунова Е. С. Национальный характер как культурная норма // Ценности и нормы в потоке времени : материалы VI междунар. науч. конф. Курган, 2015. С. 59–61.
9. Культурология. Энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. Я. Левит. М., 2007. Т. 2.
10. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
12. Лотман Ю. М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 664–666.
13. Лыткин В. В., Гегамян Ю. А. Нормы поведения как центр культурного архетипа // Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Сер.: Гуманитарные науки. Калуга, 2020. С. 914–920.
14. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избр. М., 1999. С. 13–136.
15. Пеше М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 302–336.
16. Толстой Л. Н. Поликушка // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1950. Т. 7. С. 3–54.
17. Юнг К. Г. Собр. соч. : в 19 т. М., 1992. Т. 15 : Феномен духа в искусстве и науке.

Об авторе

Григорий Валериевич Токарев – д-р филол. наук, проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия.

E-mail: grig72@mail.ru

G. V. Tokarev

ON DEFINING CULTURAL MODALITY
AND ITS MANIFESTATION IN L. N. TOLSTOY'S
SHORT STORY "POLIKUSHKA"

Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

Received 20 July 2025

Accepted 07 October 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-1

To cite this article: Tokarev G. V., 2026, On defining cultural modality and its manifestation in L. N. Tolstoy's short story "Polikushka", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 5–13. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-1.

13

The article addresses the issue of collective reflection on various manifestations of reality. The aim of the study is to confirm the existence of cultural modality as a linguocultural category. This objective was achieved through the methods of description, componential and pragmatic analysis, and linguocultural interpretation. Using L. N. Tolstoy's story "Polikushka" as material, the study examines the reactions of representatives of the 19th-century peasant world to different aspects of reality. The hypothesis of Y. M. Lotman regarding the cultural significance of the emotions of shame and fear is confirmed. The concept of cultural modality is introduced, defined as a semantic-pragmatic category determined by cultural factors and manifested in typical collective responses to reality. The semantic-cognitive core of this category consists of cultural norms, which serve as the basis for reflection of a particular type. These norms are expressed through cognitive operators such as "must" vs. "must not," "may" vs. "may not," and "necessary" vs. "unnecessary." Norms vary in their degree of obligatoriness and are adjusted by cultural attitudes and ideas about social life. It is established that cultural modality has a collective character, which underscores its objectivity. A cultural norm manifests itself in behavioral standards within its relevant environment, thereby objectifying the actional nature of cultural modality. The study demonstrates that cultural modality is formed at an archetypal level. Analysis reveals that a text, as a model of reality, reflects numerous specific cultural modalities generated by its characters. Plot development is determined by the challenges of reality, to which the hero responds either by following or rejecting the norms. The study shows that cultural modality employs both verbal and nonverbal means of expression, whose consideration on a single analytical plane is made possible by a semiotic approach.

Keywords: language, culture, communication, cultural modality, norm, cultural memory, cultural identity

The author

Prof. Grigoriy V. Tokarev, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia.
E-mail: grig72@mail.ru